

УДК 82-1; 81-2

Л.Б. Карпенко*

**ПОЭМА-ДИАЛОГ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «БОРОДИНО»
КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И РЕЧЕВОЙ ЖАНР**

В статье рассматриваются жанровая природа и речевая организация поэмы М.Ю. Лермонтова «Бородино». Предлагается трактовка данного произведения как поэмы-диалога и обосновывается ее жанровая и речевая специфика.

Ключевые слова: поэма-диалог, поэтический жанр, речевой жанр, жанровая специфика.

Тема прославления Бородинского сражения разрабатывалась еще предшественниками М.Ю. Лермонтова, она нашла отражение в поэзии Г.Р.Державина, В.А. Жуковского, Ф.Н. Глинки и др., но именно М.Ю. Лермонтову удалось создать совершенно оригинальное, высокохудожественное произведение, остающееся одним из наиболее значимых патриотических текстов. Историками литературы указаны черты художественного своеобразия поэмы: новизна ее субъектной организации, «перенесение эпического рассказа о событии в уста беседующих «простолюдинов»» [1], свободный балладный стих, замена авторского повествования сказом бывалого солдата [2]. Однако не было специально рассмотрено творчески реализованное М.Ю. Лермонтовым решение поэтического жанра. Жанр «Бородино» традиционно определяется как *стихотворение*. Цель данной статьи – показать своеобразие найденного поэтом жанра повествования.

К теме Бородинского сражения М.Ю. Лермонтов впервые обратился в 1830 году в стихотворении «Поле Бородина». Именно из этого стихотворения им были взяты центральные строки поэмы «Бородино»: *«Ребята, не Москва ль за нами? / Умремте ж под Москвой, / Как наши братья умирали!..» / И клятву верности сдержали мы в бородинский бой*. В «Поле Бородина» содержатся и впоследствии повторенные известные строки, описывающие батальные сцены: *Носились знамена как тени... / В дыму огонь блестел... / Рука бойцов колот устала, / И ядрам пролетать мешала / Гора кровавых тел*. Здесь приведены буквальные совпадения двух текстов, еще больше повторений можно наблюдать на уровне мотивов.

В год 25-летия битвы М.Ю. Лермонтов вернулся к найденной ранее бородинской теме, но прежний текст подверг полной переработке. Были изменены структура стихотворения, его субъектная и речевая организация, новая поэма была построена на основе речевой ситуации диалога и получила симметричную четырехчастную кольцевую композицию из двухстрочного пролога, пятистрочной экспозиции кануна битвы, пятистрочной панорамы сражения и двухстрочного эпилога. Заключительная строфа *Да, были люди в наше время*, почти буквально повторяющая строку пролога, замыкает кольцевую композицию. Этим ключевым для понимания текста рефреном подчеркнуто противопоставление двух эпох – героических лет и времени «нынешнего» поколения: *Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя, / Богатыри –*

---

* © Карпенко Л.Б., 2015

Карпенко Людмила Борисовна (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русского языка, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

не вы! Задуманная как отклик на 25-летие сражения 7 сентября 1812 года, поэма «Бородино» была написана в 1837 году и в том же году опубликована в «Современнике».

По жанровой природе «Бородино» стало для своего времени совершенно новаторским произведением. Пробы использования диалога у предшественников и современников были, но они были эпизодическими и содержали иной опыт: А.Д. Кантемир включал бытовой диалог в сатиры как форму, позволяющую изобразить пороки общества, невежд. А.С. Пушкин в произведении «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) обратился к диалогу, чтобы показать различие двух взглядов на творчество. М.Ю. Лермонтов использовал диалог совершенно по-новому: он создал в рамках данной формы эпическое произведение. Древний публицистический жанр диалога, совсем не характерный для лирики, был применен как целостная форма поэмы, наделенной эпическим звучанием и воспевавшей битву. Вполне очевидно, что такой выбор поэтом был сделан не случайно, а осознанно — с целью придания бородинской теме подлинной достоверности и высокого героического звучания. Диалог как жанр позволяет соотнести точки зрения, взгляды, характеры. В случае с поэмой «Бородино» он давал возможность автору соотнести характеры двух поколений — современников поэта (как известно, Лермонтов родился после завершения войны — в 1814 г.) и непосредственных участников войны 1812 г. Повествование от имени свидетеля и участника Бородинской битвы, вспоминающего реальные подробности кровопролитного сражения, придало тексту особую достоверность и экспрессивность. Включение в текст образа солдата-свидетеля, к которому вопрошает современник поэта, определило новый характер повествования в форме беседы. Такому сюжетному и художественному решению способствовало знакомство М.Ю. Лермонтова с воспоминаниями ветерана Отечественной войны А.А. Столыпина.

В чем именно заключается новаторство жанрового решения М.Ю. Лермонтова? Диалог, в отличие от прозаического повествования, обычно не содержит эпического текста, а в отличие от драмы, он не воспроизводит системы действий. Прежде всего, художественное новаторство М.Ю. Лермонтова проявилось в том, что в форме диалога было создано произведение, синтезирующее особенности разных родов художественной литературы — событийную насыщенность эпоса, оценочность лирики и динамизм и визуальность драмы. Можно показать художественный эффект этого решения на сравнении двух произведений М.Ю. Лермонтова, посвященных Бородине. Если в стихотворении «Поле Бородина» как в обычном лирическом произведении в центре внимания оказываются частные состояния, переживания лирического героя (*... Что Чесма, Римник и Полтава? / Я, вспомня, леденю весь. / Там души волновала слава, / Отчаяние было здесь. / Марш, марш! пошли вперед, и боле / Уж я не помню ничего. / Перекрестился я; Душа от мщенья тряслася* и др.), то поэма «Бородино» написана вовсе не о чувствах героя. Это панорамное произведение с эпическим звучанием, в центре — тема прославления героического прошлого страны, акцентирован вызов новому поколению, по выражению В.Г. Белинского, «дремлющему в бездействии» [3]. В ней, как в «классическом» эпосе, по М.М. Бахтину [4], получает высшее выражение пафос защиты страны от завоевателей. И эта глобальная эпическая тема, этот пафос в поэме «Бородино» выражен М.Ю. Лермонтовым через диалог двух поколений. Такому жанровому решению соответствует и речевая организация поэмы, которую рассмотрим далее с позиций современных дискурсивного и коммуникативного подходов, предполагающих анализ реальной ситуации, в которой осуществляется речевое событие или которая получает отражение в тексте. Анализ под таким углом зрения позволяет увидеть заданность структуры речевого акта и специальный отбор речевых средств, целенаправленно использованных автором для воплощения замысла в форме диалога.

Компоновка текста свидетельствует о специальном внимании поэта к последовательности развертывания и структуре воссоздаваемой диалогической ситуации, содержащей речевые акты определенных типов, о детальной их словесной проработке. Поэма имеет диалогическую структуру вопросно-ответного типа. Она воспроизводит коммуникативно-речевой акт подтверждения: начинается с побуждения-просьбы (*Скажи-ка, дядя...*), переходящей в констатирующий вопрос (... *ведь не даром / Москва, спаленная пожаром, / Французу отдана? / Ведь были ж схватки боевые? / ... Недаром помнит вся Россия / Про день Бородина!*). Последующий текст представляет собой ответную реплику подтверждения. Эта развернутая реплика также диалогична, она содержит включения прямой и внутренней речи, пересказ диалогических ситуаций, относящихся к вспоминаемым событиям отдаленного на четверть века временного плана. Диалогическая ситуация речи подробно не обрисована, а обозначена весьма лаконично: адресацией обращения к некоему дяде, которое предполагает (в пресуппозиции) в качестве адресанта и самого племянника. Зато внутренняя экспрессия диалога прорисована детально. Дискурсивное развертывание диалога, во-первых, обеспечивается взаимодействием встречных интенций, соединяющихся в единой экспрессии отношений беседующих, в общем эмоциональном напряжении беседы. Здесь передано волнение юношеского порыва, обращенного к ветерану. В нем сменяются непосредственность побуждения, неуверенность, вопрос (*Ведь были ж схватки боевые?*), поспешная юношеская осведомленность (*Да, говорят, еще какие! / Недаром помнит вся Россия / Про день Бородина!*). По-другому передана экспрессия речи ветерана. Она сдержанна, размеренна, сопровождается смысловыми переключениями, которые воспроизводят работу памяти – развернутое подтверждение (*Да, были люди в наше время...*) сменяет наплывающая реминисцентная картина ожидания сражения (*Мы долго молча отступали, / Досадно было, боя ждали...*) и затем обрисовка сражения (...*Земля тряслась – как наши груди, / Смешались в кучу кони, люди, / И залпы тысячи орудий / Слились в протяжный вой...*).

В связи с преобразованием монологического реминисцентного текста в диалог изменения затронули и систему изобразительных средств. Для образности художественного произведения характерно, что ткань нового текста всегда зависит от конкретной авторской точки зрения, экспрессивного освещения событийной канвы, вызывающего ее своеобразную организацию и отбор речевых средств. Основой изобразительности художественной речи служат средства разных языковых уровней – синтаксического, морфологического, лексического, фонетического. Выразительность языковых единиц зависит не столько от их экспрессивного потенциала, сколько от особенностей коммуникативной ситуации, контекста. В зависимости от характеристик коммуникативной ситуации выделяют два основных типа реализации экспрессивности: внутрисистемную экспрессивность (системные средства употребляются в экспрессивном контексте) и приобретенную экспрессивность (нейтральные единицы приобретают свойство экспрессивности в контексте). В поэме преобладает внутрисистемная экспрессивность, носителями которой являются соответствующие синтаксические, морфологические, фонетические маркеры. Для нее характерно использование определенных типов предложений по цели высказывания и эмоциональной окрашенности. Соответствуют диалогу функциональные разновидности предложений с точки зрения их целевой направленности, они коррелируют с обозначаемыми речевыми актами вопроса, побуждения, просьбы: а) вопросительные: *Скажи-ка, дядя ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана? Что ж мы? На зимние квартиры? Не смеют, что ли командиры чужие изорвать мундиры о русские штывы? Не Москва ль за нами?;* б) побудительные: *Скажи-ка, дядя, Постой-ка, брат мусью! Умремте же под Москвой, как наши братья умирали!* Героический пафос поэмы, ее высокая, торже-

ственная патетика, которая обнаруживается и в характере рифмовки, передающей ритм барабанной дроби, объясняет то, что многие предложения самых разных типов являются восклицательными по эмоциональной окрашенности. Для описательных и повествовательных фрагментов характерны повествовательные предложения: *И вот нашли большое поле: / Есть разгуляться где на воле! Построили редут... И только небо засветилось, / Все шумно вдруг зашевелилось...* и под. Но и они определяются включением единиц и структур, присущих разговорной речи (*Ну ж был денек! И вот... И только... Есть разгуляться где... Не будь...* и т. д.) и передают интонации эмоционального рассказа. Диалогическая природа текста объясняет использование вводных слов и предложений (*говорят, что ли, пожалуй, что тут хитрит*), слов-предложений, обращений (*дядя, брат мусью, ребята*).

Со стороны морфологической организации обращает на себя внимание повторение частиц (вопросительных — *ли, что ли; что ж*; усилительных — *ведь, же(ж), уж*), союзов, междометий, присущих разговорной речи и передающих особенности языка рассказчика. Реминисцентный характер повествования обуславливает абсолютное преобладание глагольных форм прошедшего времени. Варьирование их по видам определяется чередованием описательного и повествовательного типов речи. В повествовательных фрагментах с акциональной доминантой используются глаголы совершенного вида, передающие стремительное развитие событий — динамизм подготовки к бою и самого боя (*нашли, построили, осветило, прилег, засветилось, зашевелилось, сверкнул, двинулись, промелькнули* и под.), а для описательных фрагментов типичны глаголы несовершенного вида, обозначающие слуховое, зрительное, физическое восприятие сражения (*звучал булат, картечь визжала, огонь блеснул, земля тряслась* и под.).

Поэма может служить образцом художественного использования языковых ресурсов. М.Ю. Лермонтов показывает высокое искусство словесного творчества, соединяя в своей речевой палитре самые разнообразные средства выразительности, лексические и стилистические приемы:

- эпитеты (*грозная сеча, сырая земля, летучий дым* и пр.);
- метафору (*гора кровавых тел, протяжный вой орудий, картечь визжала, затрепала барабаны*);
- метонимию (*считать мы стали раны, вернулись с поля*) и синекдоху (*Москва, спаленная пожаром; французу отдана; ...угощу я друга; Рука бойцов колоть устала, изведет враг*);
- сравнения и сравнительные обороты (*ломить стеною; как наши братья умирали; двинулись, как тучи; носились знамена, как тени; земля тряслась, как наши груди*);
- фразеологизмы (*зимние квартиры, ушки на макушке, тут как тут, ломить стеною, что толку, клятва верности, затеять бой, стоять до конца* и др.);
- языковые и контекстуальные синонимы как средства номинации батального события (*схватка, сеча, бой, сражение, Бородинский бой, русский бой*), орудий битвы (*орудия, пушки*) и его участников.

Используя лексику разных семантических групп, автор создает образ народа-защитника (*солдаты, богатыри, бойцы, товарищи, люди*), сражающегося с захватчиком (*враг, мусью, французы, бусурманы*). В оппозиции к лексике заимствованной (*квартиры, командиры, мундиры, штыки*) в тексте употреблена исконная общеславянская лексика (*доля, воля, поле*), которая наделена символической функцией: Россия рисуется как Божий мир (*Не будь на то господня воля, не отдали б Москвы!*).

О художественных достоинствах стихотворения, достоверности художественного изображения и стилистическом совершенстве текста отозвался еще В.Г. Белинский, отмечая грубо простодушный, но благородный, сильный и полный поэзии язык

солдата [3]. В.А. Мануйлов, известный лермонтовед и создатель «Лермонтовской энциклопедии», писал о «Бородино» как о художественном открытии в истории русской реалистической поэзии: «Впервые в отечественной литературе историческое событие увидено глазами простого человека, рядового участника сражения и данная им событию объективная оценка разделяется автором» [5, с. 67]. Как было показано в данной статье, комплексный (филологический, дискурсивный, коммуникативный) подход помогает расширить возможности интерпретации текста и продемонстрировать на его примере своеобразие и выразительные ресурсы диалога как особой формы речи и особого художественного жанра, гениально использованного М.Ю. Лермонтовым для прославления подвига русского народа в войне 1812 года. И диалогический характер ситуации, отраженной в тексте «Бородино», и диалогическая природа всего текста определяют жанр данного поэтического произведения и выбор автором определенных синтаксических, морфологических и лексических средств. Форма диалога позволила поэту разомкнуть временную цепь и отодвинуть еще недавно пережитые события 1812 г. к героическому прошлому легендарных поединков русских богатырей с «бурсурманами». Найденные поэтом жанровое решение и речевые выразительные приемы создают эффект подлинности картины грандиозного сражения, величия образа народа-победителя в Отечественной войне 1812 года.

Библиографический список

1. Пумпянский Л.М. Стиховая речь Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. М.Ю. Лермонтов. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР.
2. Голованова Т.П. М.Ю. Лермонтов // История русской литературы: в 4 т. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму. Л., 1981.
3. Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова // Отечественные записки. СПб., 1841. Т. XIV, кн. 2, отд. V. С. 35–80.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
5. Мануйлов В.А. «Бородино» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 67–68.

References

1. Pumpiansky L.M. Poetry speech of Lermontov. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary remains]. Vol. 43–44. M. Yu. Lermontov. Book 1. M., Izd-vo ANSSSR, p.411 [in Russian].
2. Golovanova T.P. M.Yu. Lermontov. *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian literature]: In 4 volumes. Vol. 2: From sentimentalizm to romanticism and realism. L., 1981, p. 441 [in Russian].
3. Belinsky V.G. Poems of M.Yu. Lermontov. *Otechestvennye zapiski* [National notes]. SPb., 1841, Vol. XIV, Book 2, Section V, pp. 35–80 [in Russian].
4. Bakhtin M.M. Problems of speech genres in *Bakhtin M.M. Collected edition*. M., Russkie slovari, 1996, Vol. 5: Works of 1940–1960, pp.159–206 [in Russian].
5. Manuylov V.A. «Borodino» in *Lermontovskaia entsiklopediia*. M., Sovetskaia entsiklopediia, 1981, pp. 67–68 [in Russian].

**POEM-DIALOG OF M.YU. LERMONTOV «BORODINO»
AS AN ART AND SPEECH GENRE**

The article deals with the genre nature and speech organization of the poem written by M.Yu. Lermontov «Borodino». The interpretation of a special genre of this poem as a poem-dialog is proposed and its genre and speech peculiarities are revealed.

Key words: poem-dialog, poetic genre, genre of speech, genre peculiarity.

Статья поступила в редакцию 16/III/2015.
The article received 16/III/2015.

---

* *Karpenko Lyudmila Borisovna* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian Language, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.